

Глава 5
1920 — начало 1930-х гг.
В СУДЬБАХ МОСКОВСКИХ ИСТОРИКОВ

1. Научная и педагогическая деятельность

Послереволюционное время стало начальным этапом становления не только советского государства и общества, но советской исторической науки. Формирование советской историографии в начале проходило по пути заметного противостояния дореволюционной академической корпорации историков и нового партийного руководства. Работа дореволюционных ученых-историков осложнялась попытками новой власти изгнать классическую историю из университетского образования, заменив ее предметами обществоведческого цикла, преподававшимися в марксистском духе. Тем не менее большевики продолжительное время вынуждены были терпеть «старых специалистов», поскольку заменить их было нечем. Такое вынужденное «снисхождение» приводило к различного рода конфликтам, потому что историки «старой школы» и советские руководители по-разному видели задачи дальнейшего развития исторической науки. Несмотря на это, 1920-е гг. традиционно рассматриваются как период сосуществования историков дореволюционной формации и новых историков-марксистов¹.

Тем не менее положение «старых специалистов», в том числе и историков, было напряженным. Например, американский историк Ф. Гольдер оставил следующие воспоминания о жизни Бахрушина в 1925 г.: «В полдень я вышел по приглашению Сергея Бахрушина и обнаружил у него обстановку со всех точек зрения худшую, чем в 1923 г. Сергей выглядит старым и измученным, семья теснится в трех маленьких комнатах, одна из которых — ванная. Их друзья исчезают один за другим,

¹ Подробнее см.: Корзун В.П. Становление «нового» образа исторической науки // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 323–330.

и судьба Бахрушиных — быть взятыми вслед за ними. Будущее выглядит все мрачнее и мрачнее»¹.

Если «старые специалисты» продолжали работу в русле тех стандартов научности, которые были приняты в дореволюционном сообществе, то в работах историков-марксистов проявлялись все негативные черты складывающейся парадигмы: нигилизм по отношению к старой историографии, претенциозность, социологизм, злободневность в ущерб научности и т. д. Из-за этих черт контакты между историками-марксистами и дореволюционной профессурой были крайне ограниченными. Фактически они жили параллельной жизнью. Лидера новых историков М.Н. Покровского в академической среде явно недолюбливали. Так, Готье считал его «позором Московской исторической школы»². В данных условиях нормальное развитие исторической науки было затруднено.

«Старые специалисты» продолжили работать как в дореволюционных научных и культурных центрах, так и во вновь созданных советских. Так, Готье числился на созданном вместо историко-филологического и юридического факультетов факультете общественных наук (ФОНе) МГУ. Там же некоторое время преподавали и остальные представители младшего поколения московских историков. О работе Яковлева на факультете оставила интересные воспоминания известной впоследствии историк А.Б. Закс. Она, так же как подавляющее количество новых студентов-пролетариев, попала на факультет, не имея необходимого образования, но всячески стремилась заполнить пробелы в знаниях. Вот как она описывает свою встречу с Яковлевым в 1921 г.: «Посреди двора между снежными сугробами стоял человек в ватнике и ловко колл дрова. Спросила у него, как найти профессора Яковлева. Он выпрямился и довольно сердито ответил: „Это я“. Увидев мое перепуганное лицо, он смягчился и сказал: „Понимаю, вам нужен зачет. Скажите прямо — вы хоть что-нибудь знаете?“. Я даже обиделась, перечислила всю знакомую мне литературу. Тогда он поставил зачет и пригласил меня на свой семинар»³. Яковлев вел семинар на тему «Юридические проекты эпохи Александра I». По свидетельству А.Б. Закс, на семинаре сформировалось две группы студентов: одни были ярыми сторонниками марксизма в интерпретации М.Н. Покровского, другие, во главе с будущим известным историком Н.В. Устюговым, ратовали

¹ Цит. по: *Дубровский А.М.* Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 111.

² *Готье Ю.В.* Мои заметки... С. 118.

³ *Закс А.Б.* Факультет общественных наук МГУ (1921–1924). Из воспоминаний историка // АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 198–199.

за более взвешенное и объективное отношение к истории. Семинар оказался популярен даже среди других отделений, поскольку руководитель давал высказаться всем. Закс взяла для доклада тему «Военные поселения». По ее воспоминаниям, когда она во время доклада сравнила военные поселения с некоторыми чертами «военного коммунизма», Яковлев прервал ее и сказал: «Но-но-но, без исторических аналогий. Они антинаучны и опасны!» (Впрочем, в его глазах светилась искорка смеха)¹. Отметим, что здесь проявились последовательный историзм историка, его осторожность и профессионализм в сравнениях, а также стремление привить эти принципы и своим ученикам.

Помимо семинара Яковлев вел курс по методологии истории. От него сохранился конспект, сделанный Н.В. Устюговым². В курсе представлено понимание Яковлевым методики исторического исследования. Историк предстает сторонником целостного подхода к изучению истории. Основой исторического исследования ученый считал исторический источник. Именно на историческом источнике, по его мнению, должно строиться научное исследование. Но с источником надо уметь работать. Вслед за многими специалистами по источниковедению он выделяет внешнюю и внутреннюю критику³. Внешняя критика необходима для определения автора и времени появления документа. По мнению Яковлева, «источник без даты — пустое место»⁴. Для определения ценности выявленного документа ученый призывает действовать «нутром», т. е. автор признает и известную долю интуиции в поиске источников. Но при этом «нужно очень осторожно производить свои суждения»⁵.

Но внешняя критика — лишь ступень в работе с материалом, гораздо важнее критика внутренняя, или «большая», как ее называет историк. Данный тип критики требует решения следующих задач: 1) определение, в какой мере источник самостоятелен; 2) индивидуализация автора; 3) изучение места и времени создания и их влияния на источник. Решение первой задачи позволяет выяснить ценность источника. Второй шаг просто необходим, так как он способствует определению автора, его интересов, приемов и форм работы. Исторический материал весьма разнообразен, поэтому, по мнению историка, он требует индивидуального подхода.

В понимании исследователя, задачи истории — изображать и объяснять. Таким образом, Яковлев оказался солидарен с А.С. Лаппо-Дани-

¹ Там же. С. 199.

² АРАН. Ф. 1535 (Н.В. Устюгова). Оп. 2. Ед. хр. 49.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 5 об.

левским, который, несмотря на разделение им наук на идеографические и номотетические, признавал за историей право не только описывать явления, но и объяснять их¹.

Еще одной проблемой, которую ученый не мог обойти, стал вопрос «Может ли историк обойтись без морали?». «Историк не обязан говорить, что зло, а что добро. Но историк не может беспристрастно относиться к изображаемому явлению. Это неизбежно, но нельзя превращать это в метод»², — абсолютно справедливо говорил Яковлев. Также он считал неустрашимой и политическую позицию исследователя, но призывал не превращать ее в абсолют³.

Большое внимание в лекциях ученый уделил вопросу практики историописания. Так же как и Веселовский, Яковлев считал, что выбор темы должен, в первую очередь, определяться задачами исторической науки, в частности возможностью всестороннего исследования явления после открытия и анализа всего комплекса источников, относящихся к проблеме. Кроме того, исследователь признавал сложность компоновки полученного материала. Признавая органический характер развития истории, он все же считал, что для научного исследования непрерывный процесс приходится дробить на явления: «В расположении материала есть... гадание эсхатологическое. Предполагается, что мы имеем и начало и конец процесса... Нужно учитывать и то обстоятельство, что мы не имеем ни начала, ни конца... Дробя исторический процесс на явления, нужно следить, чем мы руководствуемся в расчленении процесса на явления»⁴. Поэтому выделение того или иного явления, по мнению Яковлева, должно проводиться крайне осторожно, на основе четко продуманных признаков. В его понимании, у истории вообще нет predetermined цели, а попытки таковую найти только «препятствуют развитию мысли». Таким образом, историк соглашался с позитивистской критикой философии истории, представленной, в частности, в работах В.О. Ключевского⁵ и П.Н. Милюкова⁶, которые также отказывали философии истории в научности.

Главной частью исторического исследования Яковлев считал историческое объяснение: «Историческое объяснение имеет большое значение... Мы вступаем в область высокого логического напряжения»⁷.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 230.

² АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 9.

³ Там же. Л. 9 об.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 37.

⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896. С. 6.

⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 15.

Он отмечал, что изучать индивидуальные явления проще, чем закономерности. В объяснении ученый призывал избегать шаблона, он считал, что «отвлеченный схематизм — недостаток», поскольку мешает изучению своеобразия явлений¹. Историю нельзя писать не только по шаблону, но и «наскоро». Нужно тщательно проанализировать весь имеющийся материал, обдумать выводы. Данный постулат Яковлев подтверждал своим научным творчеством: его работы немногочисленны, но фундаментальны. В центр исторического исследования ставился факт. Подводя итоги своим рассуждениям, лектор резюмировал: «Историческая критика имеет задачей установление исторического факта на основе исторического источника»². В курсе видно тесное переплетение различных методологических подходов (неокантианство, немного марксизма) с доминированием позитивизма. Это в очередной раз показывает ту методологическую основу, на которую опирались историки младшего поколения Московской исторической школы.

На ФОНе преподавал и Бахрушин. По воспоминаниям Л.В. Черепнина, Бахрушин вел несколько курсов: «Киевская Русь», «Удельный период русской истории» и «Московское государство XVI–XVII вв.». Начиная с историк писал о лекциях учителя: «Пленяла простота построения и изложения. Очень большой, подлинный лекторский темперамент Сергея Владимировича невольно передавался слушателям, никогда не подменялся внешней театральностью. Подкупала та теплота, с которой Сергей Владимирович подходил к далекому прошлому, рукою мастера рисуя незабываемые страницы родной истории»³. Л.В. Черепнин отмечал, что лекции Бахрушина были насыщены огромным фактическим материалом, первоисточниками, с которыми он учил своих молодых слушателей работать.

Кроме МГУ, чтобы прокормиться, многие московские историки вынуждены были работать в нескольких местах сразу. Особенно много должностей занимал Готье. С 1921 по 1929 г. он служил хранителем отделения России XVIII в. в ГИМе, сотрудником Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). С 1923 по сентябрь 1929 г. работал в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН)⁴. В РАНИОН работали Яковлев, Веселовский и Бахрушин. Яковлев и Бахрушин (последний с октября

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. Л. 19.

³ Черепнин Л.В. С.В. Бахрушин как учитель. К 65-летию со дня рождения, 1947 г. // Черепнин Л.В. Отечественные историки. XVIII–XX вв. М., 1984. С. 287.

⁴ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

1924 г.) были действительными членами ассоциации, Готье работал на половину ставки. Статус Веселовского, несмотря на его членство, не был определен¹.

Будучи сотрудниками Института истории, московские историки делали регулярные доклады на темы своих исследований. Среди наследия Яковлева большой интерес представляет доклад о Н.А. Рожкове². Доклад был прочитан на заседании РАНИИОН, состоявшемся 9 февраля 1928 г. и посвященном памяти Рожкова. Кроме Яковлева, докладчиками выступили историки-марксисты М.В. Нечкина и В.И. Невский.

Так же как и Яковлев, Рожков был учеником Ключевского. Именно на школу, которую прошел у Ключевского Рожков, и обращает внимание докладчик. Он указывает, что следование заветам учителей позволило Рожкову добиться значительных успехов в исторической науке. Труды Рожкова, с точки зрения Яковлева, появились тогда, когда русская историческая наука стояла на перепутье. Угадав правильное направление ее дальнейшей эволюции, Рожков создал свою наиболее значительную, по мнению докладчика, работу «Сельское хозяйство Московской Руси XVI века». Это исследование породило целое направление в историографии, целью которого стало изучение писцовых книг.

В исследованиях Рожкова автор доклада, прежде всего, оценил его умение критической обработки данных, а не построения широких концепций. В этом проявилась и черта самого Яковлева как историка, предпочитавшего скрупулезный анализ фактов теоретическим построениям.

Указав достоинства Рожкова, автор отметил и недостатки. Так, «он слишком доверчиво относился к цифрам писцовых книг, недостаточно искусно обрабатывал статистические данные»³.

Любопытно сравнить доклады Яковлева и его содокладчиков. В то время как историки-марксисты ценили в Рожкове его приверженность марксизму и отказ от наследия буржуазных историков, Яковлев утверждал, что Рожков бережно относился к заветам своих учителей. В этих речах наглядно было продемонстрировано различное отношение к преемственности в науке дореволюционными историками и новым, советским поколением.

Одним из доминирующих видов деятельности московских историков в РАНИИОН стала археографическая работа. Веселовский и Яковлев со своими учениками, А.А. Новосельским, Л.В. Черепниным и Д.М. Баниным, были заняты подготовкой к публикации «Памятников хозяйственной

¹ *Отчет* о деятельности Института истории РАНИИОН на 1 января 1922 г. // Труды Института истории РАНИИОН: Сб. статей. Вып. 1. М., 1926. С. 532.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 37.

³ Там же. Л. 33.

истории Троице-Сергиевой лавры»¹. Издание курировали М.Н. Покровский и начальник Главнауки Ф.Н. Петров. Занимаясь проектом издания, Веселовский и Яковлев обоснованно утверждали, что «именно в громадных запасах монастырских документов... можно найти ряд разгадок и разъяснений на темные места социально-экономической истории русского крестьянства»². Руководители проекта обязывались готовить ежемесячно не менее 10 печатных листов, всего издание должно было составить 360. Публиковать предполагалось изначально, ввиду тяжелого экономического положения, на пишущей машинке в течение трех лет. Всего было выпущено шесть томов³. Первый и второй редактировались Яковлевым, а следующие два — Веселовским. Последние два тома — неизвестно. Пофондовые издания сопровождались именным и географическим указателями⁴.

Еще одним эдиционным проектом стало издание новгородских кабальных книг. Яковлев увлекся работой над кабальными книгами еще до революции. Их обнаружил в МАМЮ Веселовский. В 1913 г. план по их изданию был принят Археографической комиссией, а сам текст издания готов к 1917 г., но из-за революции так и не увидел свет⁵. В 1925 г. совместно с А.А. Новосельским Яковлев публикует «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.»⁶, где приводились и кабальные книги. Новое издание было подготовлено к 1929 г., но из-за начавшегося «Академического дела» оно снова не увидело свет. Тираж был арестован в Загорске⁷. В рамках серии «Памятники социально-экономической истории Московского государства XV–XVII вв.» в пятом томе совместно с А.А. Новосельским были выпущены лавочные книги Великого Новгорода за 7091 г. Кроме важного социально-экономического значения этих документов, составители отметили и чисто бытовой интерес находящейся в них информации⁸. Помимо указанных сборников документов к 10 июня 1930 г. были готовы: Морозовские акты, книги свода заонежских крестьян 1640-х гг., таможенные книги по Соли Вычегодской и Великому Устюгу⁹. Таким образом, московские историки —

¹ Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 4. М., 1929. С. 222.

² АРАН. Ф. 1759 (М.Н. Покровского). Оп. 4. Ед. хр. 307. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 35.

⁵ Душинов С.М. К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 116; Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Вып. 33. М., 1926. С. 25–26.

⁶ Душинов С.М. Указ. соч. С. 113.

⁷ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Ед. хр. 307. Л. 8.

⁸ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 59. Л. 2–3.

⁹ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 307. Л. 11.

сотрудники РАНИИОНа предложили комплексную программу публикации документов социально-экономической истории XVI–XVII вв.

Работа в РАНИИОН осложнялась непрекращающейся «подковерной» борьбой с историками-марксистами. Власти глядели на Ассоциацию как на рассадник буржуазных историков, поэтому для контроля здесь же работали и так называемые «красные профессора», насаждавшие новое видение исторического процесса. Одним из таких профессоров был С.А. Пионтковский. В его дневнике отразилось противостояние историков «старой школы» и «красных профессоров». По его свидетельству, четкое размежевание на марксистов и немарксистов проявлялось даже на заседаниях секций: «Аспирантура сейчас у нас резко разбилась на две группы: коммунистическую группу и группу, близкую к беспартийным. Надо сказать, что небольшая группка поддерживает связь со мной и Невским. Группа же беспартийных всецело ориентируется на Бахрушина и Веселовского. Так и на секционных заседаниях приходят и даже садятся отдельно. С одной стороны мы, всей группой спевшихся и сдружившихся между собой товарищей, с другой стороны тоже, по-видимому, хорошо спевшиеся ученики Бахрушина, Веселовского и Яковлева, рассаживаются вокруг них»¹. Понятное дело, что ситуация, когда в научном учреждении была лишь небольшая «группка» сторонников марксизма среди учеников «беспартийных», не могла устраивать «красного профессора». С.А. Пионтковский рассматривал свою деятельность в РАНИИОНе как фронт борьбы с буржуазной историографией. Его возмущал тот факт, что «буржуазные историки» оказывают значительное влияние на молодежь, поэтому он и другие сторонники советской власти старались оградить от их влияния молодые кадры. Так, всяческими ухищрениями был снят семинар Яковлева².

В противостоянии дореволюционной и «красной» профессуры отчетливо проявилось разное понимание того, на каких основах должно строиться научно-историческое исследование. Давая характеристику Бахрушину, Пионтковский писал: «...Он как будто неплохо знает фактическую и документальную сторону русской истории, но ни черта не смыслит теоретически и лезет с остервенением в драку по всем вопросам»³. При этом сам Пионтковский вынужден был признать, что во многих вопросах истории спорить с Бахрушиным ему крайне сложно, поскольку сам он не владеет в достаточной мере фактическим материалом. Историки «старой школы» выступили и против навязываемого коллективного принципа написания работ, стремясь сохранить необходимую творческую свободу

¹ *Дневник историка С.А. Пионтковского*. Казань, 2009. С. 180.

² Там же. С. 179.

³ Там же. С. 87.

ученых, что также вызывало раздражение. По словам Пионтковского, среди московских историков старой формации Бахрушин в наибольшей степени готов был сотрудничать с новыми властями. В то же время «он очень упорно отказывается от нашего руководства, — сетовал историк-марксист, — и всеми силами пытается держать свою линию»¹. Как казалось Пионтковскому, Бахрушин, благодаря своим деловым качествам, превратился чуть ли не в лидера историков «старой школы», и сам «красный профессор» испытывал к нему открытую неприязнь. «Если Валк — сукин сын, то Бахрушин гораздо хуже, потому что тоньше»², — писал он. Очевидно, что в таких условиях московским историкам «старой школы» не приходилось быть уверенными в устойчивости своего положения.

2. Исследования С.В. Бахрушина

На 1920-е гг. приходится важнейший этап научного творчества Бахрушина. Если в предыдущие годы он только подходил к решению крупных исторических проблем, то теперь перед нами уже был зрелый и знающий исследователь. Бахрушин был самым молодым из рассматриваемых историков, поэтому целостного научно-исторического мировоззрения к этому времени он еще не успел выработать. Не случайно, что эти годы отмечены идейными и методологическими исканиями. В 1921 г. Бахрушин писал: «Протекшие четыре года заставили произвести переоценку всех ценностей и многого, что раньше боготворилось...»³. В эти годы он пытался переосмыслить существовавшие исторические схемы. В 1918 г. в Обществе истории и древностей Российских был сделан доклад «Ломка, произведенная событиями последнего года в наших представлениях о ходе русского исторического процесса». В нем он говорил: «События последнего года разбили эти наши представления о ходе русской истории. Государство... оказалось плохо спаянным... Народности, входившие в состав Российской империи, оказалось... жили каждая своей жизнью. Все здание „государства Российского“ рухнуло при первом ударе... В сущности, русская культура оказалась легким и поверхностным наслоением, под которым продолжают жить дикость и невежество...»⁴. Методологическая рефлексия способствовала выработке собственного мировоззрения. Наиболее цельно его понимание ремесла историка выражено в небольшой лекции, датируемой издателями научного наследия историка

¹ Там же. С. 177.

² Там же. С. 261.

³ Цит. по.: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 47.

⁴ Там же. С. 51.